
РАЗМЫШЛЕНИЕ НАД КНИГОЙ

Общественная наука и проблема неравенства¹

Рецензия на книгу: Piketty T. (2014) Capital in the 21st Century. N.Y.: Belknap Press. Third Edition

М.Ф. ЧЕРНЫШ*

*Черныш Михаил Федорович – доктор социологических наук, заместитель директора, Институт социологии РАН. Адрес: 117218, Москва, ул. Кржижановского, 24/35, к. 5. E-mail: che@isras.ru

Цитирование: Chernysh M. (2016) Social Sciences and the Problem of Inequality. *Mir Rossii*, vol. 25, no 2, pp. 187–196 (in Russian)

В современных общественных науках проблема неравенства выходит на первый план, и в дискуссию об этих проблемах включаются наиболее известные социологи и экономисты. Обсуждение неравенства оживилось после того, как заявили о себе последствия экономического кризиса 2008 года. Стало понятно, что современные общества, включая развитые, постепенно раскалываются на богатеющих владельцев капитала и остальное население, горизонты возможностей которого сужаются. Поворотным пунктом в обсуждении проблемы неравенства стала книга Т. Пикетти «Капитал в 21 веке». В ней французский экономист представил результаты фундаментального исследования, доказывающего, что на смену эгалитарным тенденциям 30–70-годов прошлого века пришла устойчивая тенденция углубления неравенства. Население развитых стран, а также стран, совершающих транзит к рыночной экономике, сталкивается с проблемой снижения стандартов и качества жизни и сужения возможностей социальной мобильности. Новая экономическая эпоха все больше напоминает belle époque – период мирового развития, который привел к Первой мировой войне, потрясениям и революциям. Пикетти предлагает вернуться к идее сильной социальной политики и прогрессивного налогообложения.

¹ Статья подготовлена при поддержке гранта РФФ 14-28-00217 «Межпоколенная социальная мобильность от XX века к XXI: четыре поколения российской истории».

Ключевые слова: общественные науки, экономическая наука, неравенство, социальная структура, социальная мобильность, налогообложение

В XXI в. общественные науки утратили способность будить воображение. Они более не создают больших теоретических схем, не пытаются видеть будущее, не устремляются вслед за утопией. В любых попытках овладеть общими тенденциями общественные науки – экономика, социология, психология – находят ересь большого социального проекта, который неизбежно ведет либо к Освенциму, либо к ГУЛАГу. Гораздо безопаснее с точки зрения современной общественной науки заниматься мелкой, контролируемой в деталях тематикой – потреблением молочных продуктов чернокожими мигрантами в европейских столицах, сегрегацией городского пространства в Мехико или конструированием образа турецкого мигранта в современной Германии. Раздробившись на мелкие сюжеты, социология или экономика прекратили властвовать умами, распознавать вызовы новых времен, заглядывать за горизонт текущих событий. В этом новом качестве они перестали быть интересными для молодежи. В странах Европы факультеты, которые готовят социологов, экономистов, психологов, теряют финансирование, подвергаются сокращениям и переименованиям. Апофеозом кризиса современной социальной науки стало фактическое закрытие обществоведческих факультетов в Японии: зачем нужны социальные науки, если они не заявляют добавленной стоимости, если не имеют ключей к будущему, если все, чем они располагают, это описание помышлений, оптических иллюзий, в которых пребывает под воздействием современных медиа человек современности? Парадоксальным фактом стало то, что в эпоху глобализации социальные науки становятся все более локальными, замыкаются в узких обозреваемых пространствах отдельных регионов, местных ценностей и обычаев. Если в былые времена племенные обычаи становились тем основанием, на котором классики строили свое понимание социальной системы и ее институтов, то теперь локальные практики принято рассматриваются как самодостаточные, независимые от глобальных контекстов. В сказанном есть, разумеется, доля преувеличения. Жив еще Юрген Хабермас, пристально взирающий на метаморфозы человечности в конструируемых мемах современной жизни. Покойный Ульрих Бек оставил богатое наследство, вынудив увидеть в глобальном мире не благостную картину всеобщей гармонии, а угрожающий образ общества риска, разрушающего границы безопасных, благополучных анклавов. Зигмунт Бауман проповедует новый взгляд на современность как ликвидную реальность, меняющуюся подобно ландшафту зоны в известном фильме Андрея Тарковского. Однако этих отдельных голосов явно недоставало и недостает для того, чтобы заявить новую повестку дня, поставить под сомнение необходимость мелкотемья, преодолеть естественную робость нового поколения социологов перед большими проектами.

Робость, привычка к накатанным дорожкам, свойственная современной общественной науке, сделали ее невосприимчивой к тем серьезным проблемам, с которыми сталкивается современное общество. Понадобилась несговорчивость одиночек, чтобы вывести ее из институционального ступора. В 2000-х, когда финансовый капитализм показал свой истинный нрав, заявила о себе в полный голос плеяда «нетрадиционных» экономистов, включавшая, в том числе, и нескольких Нобелевских лауреатов. В нее бесспорно вошел Джозеф Штиглиц, который в такт с движением *Occupy Wall Street* обозначил линию разрыва современного общества:

99% против 1%. В то время, как 99% населения развитых стран скатывается вниз по социальной лестнице с одной ступеньки на другую, 1% непрерывно богатеет. Новый глобальный класс хозяев жизни искренне верит в то, что овладел мировыми ресурсами благодаря собственным талантам, искрящейся энергетике и тому качеству, которое в английском языке называется *ingenuity* (изобретательность, находчивость, сообразительность). В социальном государстве новый глобальный класс обнаруживает абсолютное, развращающее человека зло, а в химерических деривативах финансового капитала – эффективный инструмент управления миром. Имя Штиглица, его обличения плутократии громко звучат в медиа, но в академической науке его не жалуют. В университетской экономической науке по-прежнему повторяют мантры о руке рынка, невидимой, но грозной, как коммунистический призрак, и призывают видеть во всех исходах плоды рационального выбора, хотя бы и ограниченного. И это при том, что у большинства серьезных исследователей рынка уже нет сомнений в том, что неолиберальный проект вне конкуренции и критики быстро обрел родовые черты единственно верного учения и стал для мира не менее опасным, чем окостеневший марксизм. В 2013 г. Нобелевскую премию получает американский экономист Роберт Шиллер, который давно и безнадежно призывает покончить с многочисленными «мыльными пузырями», возникающими то там, то здесь в современной экономике, оздоровить кредитную деятельность и поставить под контроль глобальный денежный оборот. Однако до поры до времени призывы к изменениям финансовые власти и мейнстрим медиа развитых стран предпочитали оставлять без внимания. Ситуация изменилась после глобального кризиса 2008 г., сделавшего изъяны современного капитализма слишком очевидными. Во многих странах население вышло на улицы с протестами против нарастающего неравенства, в книжных магазинах был отмечен повышенный спрос на труды Карла Маркса, а в Интернете накручивал миллионы просмотров фильм Майкла Мура «Капитализм – моя любовь».

Книга Пикетти «Капитал в 21 веке» вышла в тот самый момент, когда современное общество и его интеллектуальная элита остро нуждались в рациональном осмыслении последствий воплощения в жизнь неолиберальной модели. Пикетти взялся решать непростые задачи – реабилитировать статус общественной науки в глазах изучаемого ею общества, создать адекватное, научно обоснованное описание процессов дифференциации, нарастающих в современном обществе, и найти решение самой болезненной проблемы современного общества – соллипсизму класса победителей. Название книги не случайно перекликается с важнейшей работой Карла Маркса: Пикетти, подобно Марксу, поставил в центр внимания распределительные процессы, а также тот эффект, которые они могут производить в современных обществах. Исследование, которое он начал, должно было опираться не на эмоции, которые и так изобилуют в обществе, стоит только начать разговор о неравенстве, а на холодных фактах, на данных статистики, сообщающих о реальных масштабах изучаемой проблемы. Решить эту задачу было непросто: Пикетти кропотливо собрал, обработал и обобщил данные налоговых органов в странах, в которых это было возможно сделать. Важной составляющей процесса стала унификация информации: курсы валют, их покупательная способность должны быть учтены для каждого из изучаемых периодов. Пикетти сделал вещь, казалось бы, очевидную: он инкорпорировал в общую статистику ту часть населения, доходы которой фигурируют только в списках журнала «Форбс». Дело в том, что в обычной научной практике различия доходов фиксируются

с помощью массовых опросов. Социологи получают информацию от граждан, которые находятся в наличии, выводя большинство тех, кто относится к состоятельному слою, в темную зону недостижимости. Схожие способы используют и государственные органы статистики: обследуются бюджеты домашних хозяйств, а затем полученные данные экстраполируются на население в целом. Надо понимать, что в объекте подобных исследований присутствуют не все слои населения, а лишь его усредненное большинство. Однако даже из таких заведомо ущербных исследований следует, что уровень доходной дифференциации за последние два десятилетия вырос, какую страну ни возьми – США, Китай или Россию. Неравенство нарастает, приводя в движение социальные силы, возвращая в оборот подзабытые понятия социального ressentimentа и классовой борьбы.

Для Пикетти стартовой точкой анализа стало самое начало капитализма, однако следует учесть, что действительно детальную информацию о неравенствах стало возможным получать только в начале прошлого века. В это время во многих странах завершился процесс становления полноценных налоговых служб, регистрация доходов приобрела институциональный, формализованный характер. В 1920-е гг. экономический рост сделал возможным становление массового среднего класса: впервые в истории рядовые работники, рабочие предприятий обрели возможность приобретать, хотя бы и в рассрочку, собственное жилье, покупать автомобили и качественную модную одежду. Не последнюю роль в тех изменениях, которые претерпевал капитализм, сыграл левый проект, представленный советскими образцами динамичного развития и социальной реабилитации широких масс. Пророчество Маркса о соревновании двух систем в измерении социальной эффективности оказалось самосбывающимся: чтобы не проиграть в борьбе не на жизнь, а на смерть, капитализм должен был становиться хотя бы в чем-то похожим на социализм: признавать социальные права, устанавливать границы эксплуатации, ограничивать доходы владельцев капитала. Как справедливо пишет Пикетти, то, что было лишь эпизодом в истории капитализма, изменой его подлинной природе под влиянием внешней угрозы, стало рассматриваться как естественный закон его развития². Полемизируя с левыми, Питирим Сорокин ссылался на данные статистики, свидетельствовавшие о том, что разрыв между бедными и богатыми в развитых странах уменьшается [*Сорокин* 1992, с. 334–373]. На эту особенность поочередно указывали в своих работах Сеймур Липсет [*Lipset, Bendix* 1991] и Ральф Дарендорф [*Dahrendorf* 1959]. Капитал представлял не только силой, обеспечивающей динамичное развитие экономики, но и Великим Уравнителем, который по мере развития позволял низшим слоям общества, угнетенным классам достигать высоких стандартов жизни, получая все большую часть национальных богатств. Надежды на уравнительные тенденции в современном капитализме обрели подтверждение в фундаментальных работах американского экономиста Саймона Кузнецца [*Kuznetz* 1974]. Именно его именем назвали кривую, однозначно указывающую на сокращение дистанции суммарных показателей экономической дифференциации в развитых странах. Кривая Кузнецца предсказывала, что процесс продолжится: по мере того, как общество будет богатеть, а его ресурсная база увеличиваться, доля экономики, которой владеют богатые граждане, будет уменьшаться. Пикетти утверждает, что Кузнец и другие пророки «благого»

² Соответствующая глава в книге Т. Пикетти называется «Хорошие новости в разгар холодной войны».

капитализма допустили серьезную методологическую ошибку, приняв отдельный, хотя и длительный эпизод за общую тенденцию. В 80-е годы прошлого столетия отрезок, в течение которого уровень социальной дифференциации снижался, пришел к концу. За ним последовал период роста социального разрыва, причем при ближайшем рассмотрении оказывалось, что новый полет кривой напоминает не столько дискретный разрыв с предшествующей эгалитарной фазой, сколько продолжение линии нарастающего разрыва, прерванной ранее.

Заблуждение, которое Пикетти опровергает в своей книге, связано с оценкой факторов, находящихся в компетенции современного государства. Речь идет о процессе распределения и перераспределения, о его природе, а также о том, каким образом этот процесс реализуется в современных экономиках. Пикетти напоминает, что процесс распределения традиционно рассматривался в контексте двух традиций: «Вопрос ставится следующим образом. Нужно ли оставить рынок в покое, позволить ему свободно функционировать, ограничив перераспределение налогами и трансферами, или же необходимо изменить саму структуру тех рыночных сил, посредством которых в обществе производится неравенство. На языке экономистов данное противоречие имеет форму противостояния между чистым и эффективным перераспределением» [Piketty (1) 2014, p. 4]. Предоставление свободы рынку не означает полный отказ от реализации принципов социальной справедливости, но они воплощаются в тех инструментах, которые предусмотрел в своей основополагающей работе «Теория справедливости» Джон Ролз: свобода экономической деятельности и страховка в форме социального государства, которое не позволяет скатиться на самое дно тем, кто не может воспользоваться ее плодами. Эффективное распределение означает, что свобода капитала ограничивается институционально, а сам он принуждается к тому, чтобы работать на интересы общества. Эгоизм капитала сдерживается мощью профсоюзного движения и активным вмешательством государства. Пикетти, в частности, ссылается на так называемый безусловный доход, который мог бы получать каждый гражданин, независимо от того, какую нишу он занимает в обществе.

В XXI в. в ситуации глобальной экономики и глобальных информационных потоков спор между двумя формами контроля над капиталом постепенно утрачивает всякий смысл. Глобальные экономические институты обретают, правдами или неправдами, право первенства над национальными законодательствами, а в экономических практиках одерживает верх неолиберальная модель свободного рынка. Сила профсоюзного движения слабеет, потому что профсоюзы привязаны к локальной экономике и конкретной отрасли: чем успешнее ведут они свою борьбу, тем слабее становится национальная экономика в глобальном контексте. Немецкий рабочий, требующий повышения заработной платы, должен помнить, что в глобальной экономике миллионы китайских, тайландских или мексиканских рабочих с радостью займут его место и будут работать столь же усердно, но за меньшие деньги, довольствуясь существенно более низким уровнем социальной защиты. В этой системе становится возможным ускорить процессы концентрации капитала, но становится ли капитал XXI в. основой экономического роста? Пикетти отвечает на этот вопрос отрицательно. Во-первых, он опровергает расхожее мнение о том, что капитал ориентирован на принципы меритократии: плоды победы, якобы, достаются прежде всего наиболее эффективным его обладателям. Если верить проповедям либеральных экономистов, в открытом поединке «наследники» неизбежно проигрывают «новаторам», приходящим из низов, «новым людям»

(вспомним утопию Чернышевского), задающим тон национальной и глобальной экономике. Пикетти доказывает, что в современном обществе процесс наследования капитала также важен, как и в XIX в., а нынешние отцы Горио решают, кому достанутся деньги и как они будут использованы. Пикетти не случайно цитирует Балзака: чем дальше, тем больше капитал будет наследоваться и реже стимулировать экономический рост. В одном ряду с наследуемым капиталом находятся запредельно высокие доходы современных топ-менеджеров; революция менеджеров, которую пророчили в середине прошлого века, завершилась управленческим триумфом в начале века настоящего; непомерные заработные платы и многомиллионные «золотые парашюты», бонусы и опционы – все это становится атрибутом жизни менеджеров, пробившихся к высшим позициям в управленческой иерархии.

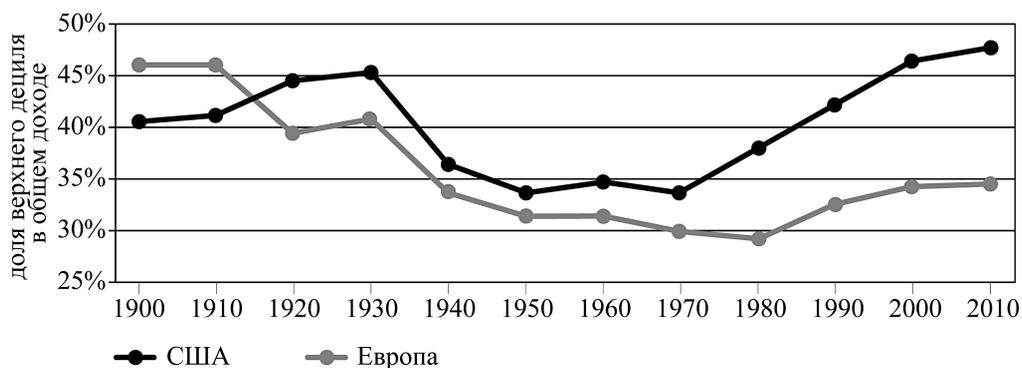

Рисунок 1. **Неравенство доходов в Европе и США, 1900–2010**
(доля верхнего дециля в общем доходе)³

Источник: piketty.pse.ens.fr/capital21c

Чем же объясняет Пикетти внушительные достижения управленческого класса? Вопреки комплиментарным теориям о якобы особых талантах эффективных менеджеров, Пикетти призывает увидеть прямую связь между сверхдоходами владельцев капитала, организационными возможностями воспроизводства и нормами налогообложения. До недавнего времени прогрессивные налоги ограничивали доходы управленцев и накопительские инстинкты владельцев капитала: если большая часть доходов изымается в форме налогов (80% в США в 1960-е гг.), то так ли важно увеличивать собственную заработную плату? В подобных обстоятельствах важнее действовать по правилам, сохранять репутацию в бизнес-среде, стаж умелого управления становится важнее, чем сиюминутная выгода. Не монетарный доход, а символический капитал в форме репутации, умение сохранять и развивать вверенное предприятие, становятся определяющим фактором биографии управленца. Речь идет о нюансах взаимовлияния базовых нормативов экономической жизни и

³ В 1900–1910 гг. доля верхнего дециля в Европе была больше, чем в США. В 2000–2010 гг. она намного больше в США.

этики управления капиталом, характеризующей современную экономику. Резкое снижение налогов, а тем более введение плоской шкалы разжигает соблазн сиюминутной выгоды, быстрого оборота, скорой прибыли, которой достаточно для того, чтобы обеспечить будущее не только самого управленца, но и его наследников. Пикетти не сомневается: те капиталы, которые сейчас зарабатывают топ-менеджеры, создадут в следующем поколении весомый слой рантье, сравнимый по образу жизни и влиянию на общество с паразитическими классами *belle époque*.

Во-вторых, Пикетти отвергает расхожий тезис о связи между концентрацией капитала и потенциалом экономического роста. Тот же *belle époque* убедительно свидетельствует о том, что высокая концентрация капитала и прибыльность предприятий могут идти рука об руку с низкими показателями экономического роста.

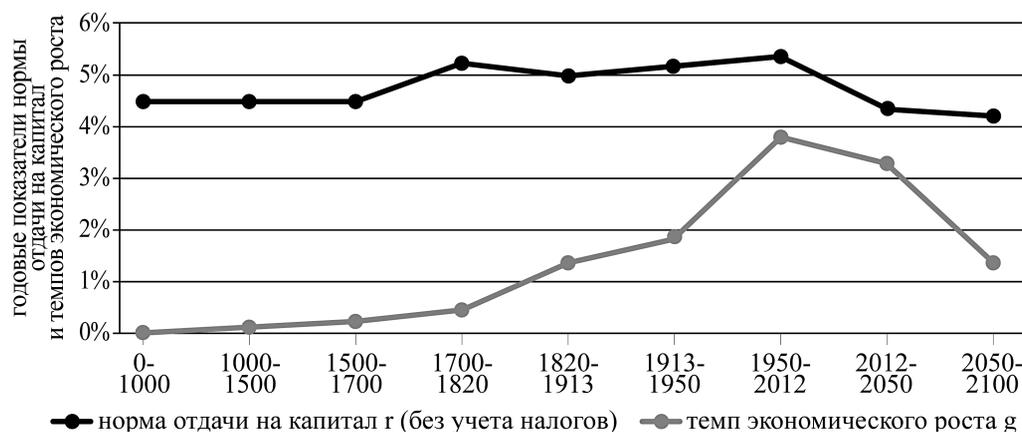

Рисунок 2. Прибыльность капитала и темпы роста экономики в мире с древнейших времен до 2100 г.⁴

Источник: piketty.pse.ens.fr/capital21c

Так называемый инвестиционный климат никогда не был единственной панацеей от всех экономических бед. Капитал благополучно вывозится из одних стран и вкладывается в другие, где он, возможно, и менее эффективен, но где его судьба более предсказуема. Парадоксальным образом сам вывоз капитала превращается в один из ключевых факторов социальной нестабильности. Исход капитала ослабляет экономику, затрудняет экономический рост, а низкие темпы роста — 1–2% в год — ухудшают социальную ситуацию, повышают градус социальной напряженности. Причина в том, что чем медленнее растет экономика, тем ниже темпы социальной мобильности и выше значимость наследования капиталов или статуса, тем острее социальные противоречия.

⁴ Прибыльность капитала (до уплаты налогов) всегда была выше, чем темпы экономического роста. Однако разрыв уменьшился в XX в., но может вновь увеличиться в XXI в.

Расчеты Пикетти не оставляют сомнений: проблема неравенства осложняет и будет осложнять жизнь современных обществ в обозримой перспективе. Отсюда тот закономерный вопрос, который он ставит в своей книге: как победить всепобеждающую тенденцию дифференциации общества? Как умерить аппетиты правящего класса до того, как различия в обществе примут необратимую культурную форму, а затем превратятся в идеологию антропологического раскола? Пикетти предлагает не менять базовой модели капитализма, которую он обозначил как «чистое перераспределение» [Piketty (2) 2014, p. 493]. Справедливость в обществе можно восстановить, если применить прежние, неплохо зарекомендовавшие себя рецепты: высокие налоги на большие состояния, высокие налоги на наследуемые капиталы. Однако годятся ли старые рецепты в новой глобальной экономике? Майкл Буравой, признавший работу Пикетти настоящим прорывом в современной общественной науке, в рецептах, предписанных французским экономистом, сомневается. Кто будет субъектом, воплощающим в жизнь программу сокращения разрыва между богатеющей горсткой владельцев капитала и остальным населением? В прошлые времена субъектами выравнивания социального ландшафта выступали партии социал-демократической или социалистической ориентации, сильные профсоюзы, мощное государство, занимавшееся перераспределением общественных ресурсов. В настоящее время правые и левые сошлись вместе в охранительном отношении к рынку и видят электоральную опору в среднем классе, профсоюзы готовы к уступкам, а государство втянуто в систему глобальных обязательств, включая и обязательства, относящиеся к внутренней, казалось бы, компетенции. Буравой считает, что победить социальные разрывы можно только, если система неравенства, воспроизводящая себя в глобальных институтах, глобальных идеологиях и глобальных медиа, встретится с глобальной же по масштабу силой сопротивления [Буравой 2015, с. 5–14]. Он полагает, что повернуть тенденцию вспять может возникновение движения, идущего на борьбу под лозунгом социальных прав. Буравой утверждает, что рецепты Пикетти должны быть соединены с концепцией К. Поланьи [Поланьи 2002], который уповает на «иммунную» систему современного общества, способную обуздать инстинкты класса собственников.

Пикетти получил поддержку Папы Римского, который полагает, что против вопиющего неравенства и забвения социальных прав в развивающихся странах должны выступить вместе все люди совести. Книга Пикетти стала той точкой в рефлексии о неравенстве, которая не позволит привычно отодвигать эту проблему на второй план. По выражению профессора Чарльза Дербера [Derber 2015], большинство, которое современный капитализм лишил наследства, станет в ближайшем будущем постоянной темой общественного обсуждения, и оно найдет в конце концов способ поменять правила игры. Будем надеяться, что и в России тоже.

Литература

- Буравой М. (2015) Социология и неравенство // Социологические исследования. № 7. С. 4–15.
- Поланьи К. (2002) Великая трансформация. Политические и экономические истоки нашего времени. М.: Алетейя.
- Сорокин П.А. (1992) Человек. Цивилизация. Общество. М.: Политиздат.
- Dahrendorf R. (1959) *Class and Conflict in Industrial Society*. Stanford, CA: Stanford University Press.

- Derber C. (2015) *Disinherited Majority: Capital Questions-Piketty and beyond*. N.Y.: Tailor and Francis.
- Kuznetz S. (1974) *Population, Capital and Growth: Selected Essays*. L. Heinmann Educational.
- Lipset S., Bendix R. (1991) *Social Mobility in Industrial Society*. N.Y.: Transaction Publishers.
- Piketty T. (1) (2014) *Capital in the 21st Century*. N.Y.: Belknap Press. Third Edition.
- Piketty T. (2) (2014) *L'Économie des Inegalites*. Paris: Editions de la Decouvertes.
-
-

Social Sciences and the Problem of Inequality

Book Review: Piketty T. (2014) *Capital in the 21st Century*, N.Y.: Belknap Press. Third Edition.

M. CHERNYSH*

***Mikhail Chernysh** – Doctor of Sociology, Deputy Director, Institute of Sociology, Russian Academy of Sciences. Address: bld. 5, 24/35, Krzhizhanovskogo St., Moscow, 117218, Russian Federation. E-mail: che@isras.ru

Citation: Chernysh M. (2016) *Social Sciences and the Problem of Inequality*. *Mir Rossii*, vol. 25, no 2, pp. 187–196 (in Russian)

Abstract

Contemporary social science brings the problem of inequality to the forefront of the debate on tendencies in modern societies. This debate became even more lively after the economic crisis of 2008. It became clear that in modern societies, including most developed countries, the divide between capital owners (who are getting even more prosperous) and the rest of the population (whose opportunities are shrinking) is constantly growing. Piketty's book "Capital in the 21st Century" marks a turning point in this debate. Piketty presents the results of fundamental research showing how the egalitarian tendencies of the 1930s–1970s have been replaced by a tendency for increasing inequality. The populations of developed countries and the populations of counties undergoing market transitions face the problem of decreasing living standards and quality of life, and are facing lower rates of social mobility. This new social and economic reality increasingly looks like the "belle époque"—the period that preceded the First World War, other social catastrophes and revolutions. Piketty argues for the return of strong social policies and progressive taxation.

Keywords: social science, economics, inequality, social structure, social mobility, taxation

References

- Burawoy M. (2015) Sotsiologiya i neravenstvo [Sociology and Inequality]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, no 7, pp. 4–15.
- Sorokin P.A. (1992) *Chelovek. Tsivilizatsiya. Obschestvo* [Individual. Civilization. Society], Moscow: Politizdat.
- Dahrendorf R. (1959) *Class and Conflict in Industrial Society*, Stanford, CA: Stanford University Press.
- Derber C. (2015) *Disinherited Majority: Capital Questions-Piketty and beyond*, N.Y.: Tailor and Francis.
- Kuznetz S. (1974) *Population, Capital and Growth: Selected Essays*, L. Heinmann Educational.
- Lipset S., Bendix R. (1991) *Social Mobility in Industrial Society*, N.Y.: Transaction Publishers.
- Piketty T. (1) (2014) *Capital in the 21st Century*, N.Y.: Belknap Press. Third Edition.
- Piketty T. (2) (2014) *L'Économie des Inégalités*, Paris: Editions de la Decouvertes.
- Polanyi K. (2002) *Velikaya transformatsiya. Politicheskie i ekonomicheskie istoki nashego vremeni* [The Great Transformation], Moscow: Alateiya.